

ГЛАВА VII. СЛЕДЫ "ТИТАНИКА"

Ипполит Матвеевич проснулся по привычке в половине восьмого, пророкотал "гут морген" и направился к умывальнику. Он умывался с наслаждением: отплевывался, причитал и тряс головой, чтобы избавиться от воды, набежавшей в уши. Вытираться было приятно, но, отняв от лица полотенце, Ипполит Матвеевич увидел, что оно испачкано тем радикально черным цветом, которым с позавчерашнего дня были окрашены его горизонтальные усы. Сердце Ипполита Матвеевича потухло. Он бросился к своему карманному зеркальцу. В зеркальце отразились большой нос и зеленый, как молодая травка, левый ус. Ипполит Матвеевич поспешно передвинул зеркальце направо. Правки ус был того же омерзительного цвета. Нагнув голову, словно желая забодать зеркальце, несчастный увидел, что радикальный черный цвет еще господствовал в центре каре, но по краям был обсажен тою же травянистой каймой.

Все существо Ипполита Матвеевича издало такой громкий стон, что Остап Бендер открыл глаза.

-- Вы с ума сошли!--воскликнул Бендер и сейчас же сомкнул сонные вежды.

-- Товарищ Бендер,--умоляюще зашептала жертва "Титаника".

Остап проснулся после многих толчков и уговоров. Он внимательно посмотрел на Ипполита Матвеевича и радостно засмеялся. Отвернувшись от директора-учредителя концессии, главный руководитель работ и технический директор содрогался, хватался за спинку кровати, кричал: "Не могу!"-и снова бушевал.

-- С вашей стороны это нехорошо, товарищ Бендер,--сказал Ипполит Матвеевич, с дрожью шевеля зелеными усами.

Это придало новые силы изнемогшему было Остапу. Чистосердечный его смех продолжался еще минут десять. Отдышавшись, он сразу сделался очень серьезным.

-- Что вы на меня смотрите такими злыми глазами, как солдат на вошь? Вы на себя посмотрите?

-- Но ведь мне аптекарь говорил, что это будет радикально черный цвет. Не смывается ни холодной, ни горячей водой, ни мыльной пеной, ни керосином... Контрабандный товар.

-- Контрабандный? Всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской улице. Покажите флакон... И потом посмотрите. Вы читали это?

-- Читал.

-- А вот это -- маленькими буквами? Тут ясно сказано, что после мытья горячей и холодной водой или мыльной пеной и керосином волосы надо отнюдь не вытирать, а сушить на солнце или у примуса... Почему вы не сушили? Куда вы теперь пойдете с этой зеленой "липой"?

Ипполит Матвеевич был подавлен. Вошел Тихон. Увидя барина в зеленых усах, он перекрестился и попросил опохмелиться.

-- Выдайте рубль герою труда,-- предложил Остап,-- и, пожалуйста, не записывайте на мой счет. Это ваше интимное дело с бывшим сослуживцем... Подожди, отец, не уходи, дельце есть.

Остап завел с дворником беседу о мебели, и уже через пять минут концессионеры знали все. Всю мебель в 1919 году увезли в жилотдел, за исключением одного гостиного стула, который сперва находился во владении Тихона, а потом был забран у него завхозом 2-го дома соцобеса.

-- Так он что, здесь в доме?

-- Здесь и стоит.

-- А скажи, дружок, -замирая, спросил Воробьянинов, -когда стул был у тебя, ты его... не чинил?

-- Чинить его невозможно. В старое время работа была хорошая. Еще тридцать лет такой стул может выстоять-

-- Ну, иди, дружок, возьми еще рубль, да смотри не говори, что я приехал.

-- Могила, гражданин Воробьянинов. Услав дворника и прокричав: "Лед тронулся", Остап Бендер снова обратился к усам Ипполита Матвеевича:

-- Придется красить снова. Давайте деньги -- пойду в аптеку. Ваш "Титаник" ни к черту не годится, только собак красить... Вот в старое время была красочка!.. Мне один беговой профессор рассказал волнующую историю. Вы интересовались бегами? Нет? Жалко. Волнующая вещь. Так вот... Был такой знаменитый комбинатор, граф Друцкий. Он проиграл на бегах пятьсот тысяч. Король проигрыша! И вот, когда у него уже, кроме долгов, ничего не было и граф подумывал о самоубийстве, один жучок дал ему за пятьдесят рублей замечательный совет. Граф уехал и через год вернулся с орловским рысаком-трехлеткой. После этого граф не только вернул свои деньги, но даже выиграл еще тысяч триста. Его орловец "Маклер" с отличным аттестатом всегда приходил первым. На дерби он на целый корпус обошел "Мак-Магона". Гром!.. Но тут Курочкин (слышали?) замечает, что все орловцы начинают менять масть-один только "Маклер", как дуся, не меняет цвета. Скандал был неслыханный! Графу дали три года. Оказалось, что "Маклер" не орловец, а перекрашенный метис, а метисы гораздо резвее орловцев, и их к ним на версту не подпускают. Каково?.. Вот это красочка! Не то что ваши усы!..

-- Но аттестат? У него ведь был отличный аттестат?

-- Такой же, как этикетка на вашем "Титанике", фальшивый! Давайте деньги на краску. Остап вернулся с новой микстурой.

-- "Наяда". Возможно, что лучше вашего "Титаника". Снимайте пиджак!

Начался обряд перекраски. Но "изумительный каштановый цвет, придающий волосам нежность и пушистость", смешавшись с зеленью "Титаника", неожиданно окрасил голову и усы Ипполита Матвеевича в краски солнечного спектра.

Ничего еще не евший с утра Воробьянинов злобно ругал все парфюмерные заводы, как государственные, так и подпольные, находящиеся в Одессе, на Малой Арнаутской улице.

-- Таких усов, должно быть, нет даже у Аристида Бриана, -- бодро заметил Остап, -- но жить с такими ультрафиолетовыми волосами в Советской России не рекомендуется. Придется сбрить.

-- Я не могу, -скорбно ответил Ипполит Матвеевич, -это невозможно.

-- Что, усы дороги вам как память?

-- Не могу, -- повторил Воробьянинов, понуря голову.

-- Тогда вы всю жизнь сидите в дворницкой, а я пойду за стульями. Кстати, первый стул над нашей головой.

-- Брейте!

Разыскав ножницы, Бендер мигом отхватил усы, они бесшумно свалились на пол. Покончив со стрижкой, технический директор достал из кармана пожелтевшую бритву "Жиллет", а из бумажника-запасное лезвие и стал брить почти плачущего Ипполита Матвеевича.

-- Последний ножик на вас трачу. Не забудьте записать на мой дебет два рубля за бритве и стрижку. Содрогаюсь от горя, Ипполит Матвеевич все-таки спросил:

-- Почему же так дорого? Везде стоит сорок копеек!

-- За конспирацию, товарищ фельдмаршал, -быстро ответил

Бендер.

Страдания человека, которому бреют голову безопасной бритвой, невероятны. Это Ипполит Матвеевич понял с самого начала операции, Но конец, который бывает всему, пришел.

-- Готово. Заседание продолжается! Нервных просят не смотреть! Теперь вы похожи на Боборыкина, известного автора-куплетиста.

Ипполит Матвеевич отряхнул с себя мерзкие клочья, бывшие так недавно красивыми сединами, умылся и, ощущая на всей голове сильное жжение, в сотый раз сегодня уставился в зеркало. То, что он увидел, ему неожиданно понравилось. На него смотрело искаженное страданиями, но довольно юное лицо актера без ангажемента.

-- Ну, марш вперед, труба зовет!--закричал Остап.-- Я -- по следам в жилотдел, или, вернее, в тот дом, в котором когда-то был жилотдела, а вы-к старухам!

-- Я не могу,-- сказал Ипполит Матвеевич,-- мне очень тяжело будет войти в собственный дом.

-- Ах, да!.. Волнующая история! Барон-изгнанник! Ладно. Идите в жилотдел, а здесь поработаю я. Сборный пункт -- в дворницкой. Парад -- алле!